

## КОНЦЕПЦИЯ СЕМЬИ В ПОВЕСТИ В. И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»<sup>22</sup>

Тема семейных отношений оказывается в центре многих произведений В.И. Белова («Воспитание по доктору Споку», «Кануны», «Лад») и, конечно, прежде всего в повести «Привычное дело» (1966), принесшей писателю широкое признание. Описывая уклад жизни и судьбы русских крестьян, автор формирует собственную концепцию семьи. Как справедливо отмечает Н.В. Дворянова, «Привычное дело» – это попытка «художественного постижения социальных, нравственно-философских аспектов истории и современного состояния семьи, родственных отношений, супружеской любви и семейного воспитания» [3, с. 6]. Повесть с подзаголовком «Из прошлого одной семьи» первоначально мыслилась как доверительный рассказ о судьбе и глубоких чувствах Ивана Африкановича Дрынова и его жены Катерины. Однако повествование о жизни героев неотделимо от постижения острых нравственных и социальных проблем деревни 60-х годов.

Семья начинается с любви. «Любить означало то же самое, что жалеть, любовь бывала «горячая» и «холодная», – отмечал писатель в «Ладе» [1, с. 125]. Оппозиция «горячая – холодная» любовь раскрывается Беловым и в повести. С Катериной была у Ивана Африкановича любовь «горячая», взаимная, глубокая. В отличие от первой его женитьбы «не по любви», а по воле матери и обстоятельств на «молчаливой девке из дальних заозерных мест» [2, с. 24]. Семья не сложилась, «у них была холодная любовь: дети не рождались» [2, с. 24]. Одной физической близости недостаточно. Для настоящей любви необходимо родство душ. Размышляя об этом, главный герой выражает эту идею так: «Вот с Катериной – горячая любовь, уйдет она в поле, на ферму, ему будто душу вынет» [2, с. 24].

Идея Антония Сурожского о том, что муж и жена «оказываются чем-то большим, чем двоица... – оказываются единством» [5, с.472] мастерски воплощена В. Беловым в отношениях главных героев и особенно ярко проявляется в ситуации разлуки. Когда Катерину увозят рожать, Дрынов сообщает теще, что «без Катерины он хуже всякой сироты» [2, с.22], тоска по ней проявляется «в суетливом и бестолковом буйстве в душе», которое сменяется «тревогой и жалостью к Катерине». Во время болезни жены он и сам как будто заболевает: «похудел и оброс», «в руках у него ничего не держится, глаза ни на что не глядят», «осутулился», глубже стала тройная морщина на лбу, пальцы на руках все время чуть подрагивали». С Катериной возвращается счастье, душевное спокойствие («Вернулась... И опять все успокоилось в душе...») [2, с.49]).

Расставание с любимым человеком – утрата части себя самого. Слова «душа», «сердце», «нутро», «грудь» оказываются ключевыми (частотными) в

<sup>22</sup> Статья подготовлена при финансовой поддержке ГРНФ, проект № 15-04-00364 «Вологодский текст в русской словесности»

таким образом: Иван Африканович – «*почти бежал, волнение опять нарастало где-то в самом нутре, около сердца*», «*еще с ночи на душе было какое-то странное беспокойство...*» [2, с.24]; Катерина – «*будто сердце чувало, ей стало горько, когда он ушел в гости*», «*почуяла, как у нее чего-то тоскливо и больно сжалось в груди*» [2, с.48] (ср. ФЕ «сжалось сердце»).

Единение любящих постигается героями не во внешнем речевом выражении и даже не во внутренних монологах, а в бессознательном потоке мыслей, возникающем в состоянии сна, болезни и приближения смерти. Пророческий сон перед приходом Катерины из больницы, в котором Иван Африканович поит жену чистой серебряной водой, передает непостижимое словами чувство героя: он «*не смог запомнить, что говорила, помнил только ясное острое ощущение близости Катерины, ощущение ее и его жалости и любви друг к другу*» [2, с.49]. Прощаясь у родника перед отъездом, Дрынов испытывает похожее состояние: «*взглянул на жену и вдруг весь сжался от боли, жалости и любви к ней*», но «*ничего не сказал*» [2, с.91]. Понимание, что речь идет о смерти жены («*баба чья-то умерла в вашей деревне*»), показано автором как физическая реакция организма на боль и отчаяние: «*... встал, прошел метров двести, остановился. И вдруг затрясся, замотал головой, побежал, остановился опять. Потом ноги у него подкосились, он хряснулся на дорогу, зажал руками голову, перекатился в придорожную траву. Кулаком бухал луговину, грыз землю...*» [2, с. 101]. Так В.И. Белов через внешнее описание переживаний, вещные детали воспроизводит внутренний мир героев, их единение. Целый комплекс эмоциональных состояний сопровождает отношения любящих друг друга Ивана Африкановича и Катерину: душевное спокойствие и тепло, счастье, когда они рядом; тоска, тревога, волнение, беспокойство, боль в разлуке. «*Жить врозь мучительно, тяжело, но вместе – легко и привычно*» [5, с.472].

Привычным делом оказывается и воспитание девяти детей. Это естественное воплощение их любви, их продолжение. Катерина – средоточие материнского начала, гармонии (лада) в семье, в доме. Материнская забота проявляется в постоянных думах о детях во время работы, болезни, кратких мгновений отдыха: «*всё ли ладно, здоровы ли ребятки?*» [2, с.47]. И в отношении к мужу Катерина ощущает себя и как жена и как мать: «*Чья и есть, как не твоя, сколько годов об ручку идем, ребят накопили. Все родились крепкие, как гудочки. Растут. Девять вот, а десятый сам Иван Африканович, сам иной раз как дитя малое...*» [2, с.40].

Благодаря приему «слияния голосов» автора и героя [3, с. 10], используемому в гомофонической художественной структуре (термин В.Н. Евсеева [4, с.15]), В. Белову удается показать проявления глубочайшей внутренней связи матери с детьми. Возвращаясь из больницы, Катерина присела на бревна и вдруг до боли в груди «почуяла» присутствие своей дочери Маруси, «*бросилась к ней, прижала девочку к себе <...>, поправила волосенки, ладонью осушила Марусины слезы и говорила, говорила ласковые тихие слова*» [2, с.48]. Особая связь матери с младенцем, сосущим грудь,



описана в образах кинестетических («соском чувствовала, как мальчонка улыбается в темноте») и ментальных (через внутреннюю речь: «Ешь, милый, ешь, – мысленно торопила она, – видишь, матке у тебя все время-то нет, вон и бежать надо» [2, с. 39]).

Детям не хватает материнского внимания, ведь Катерина целыми днями трудится на ферме. Неразрывная духовная связь с матерью показана Беловым через смену эмоционального состояния ребенка от тоски, тревоги к радости: «Тоска по всегда отсутствующей матери точила его сердечко, а когда уходила бабка, ему было и вовсе невозможно»; «Упоминание о матери отразилось на Марусином личике долгой изумленно-тревожной улыбкой. Она ... вся засветилась от радости» [2, с. 29]. Тема детства в повести связана с передачей непосредственности, созерцательности, естественно-природного согласия с миром, бескорыстия и сердечной доброты» [3, с.11].

Непрерывный жизненный цикл, идея преемственности поколений воплощены Беловым в именовании родителей и детей. Новорожденному младенцу дают имя Иван, одна из их дочерей Катюшка. Идея жизненного круга, бесконечного, как остановившееся время, вербализована писателем в сравнении двух Иванов: «Он ничего не думал, точь-в-точь как тот, кто лежал в люльке и улыбался, для которого еще не существовало разницы между явью и сном. И для обоих сейчас не было ни конца, ни начала» [2, с. 39]. Первый покос Катюшки становится последним для ее матери Катерины. После смерти жены заплутавший в лесу Иван Африканович, размышляет о судьбе жены и своей собственной и постепенно приходит к осознанию жизненного круга. Движение мысли от отдельной личности человека к устройству мира (природного и социального) передано в логической цепи вопросов, ответы на которые находит Иван Африканович: Для чего рождается человек? Что было до его рождения? Что останется после его смерти? Останутся другие, пусть без него, но жизнь не остановится и уже ради этого стоит жить. Жизнь продолжается в детях, как меняются сезоны, умирает к зиме и возрождается весной природа, так на смену одному поколению (символична в этом отношении смерть Катерины поздней осенью, первый покос дочери и последний матери) приходит другое (рождение маленького Ивана ранней весной). «Конца нет этому круговороту... и не будет» [2, с. 124].

Кольцевая композиция подчеркивает философскую проблематику «Привычного дела». Личность погружена в круговорот природной жизни. Повторяемость природного цикла символизирует стабильные основы и непрерывность обновления жизни человека и рода. С одной стороны, смерть Катерины – нарушение этой гармонии, идеи бесконечности рода, с другой – дети Ивана и Катерины – продолжение естественной преемственности поколений, непрерывности жизненного потока. Писатель постоянно проводит аналогии: гармония в природе – в доме – в семье – в жизни человека. Так, отогревая замерзшего воробья, Иван Африканович философски размышляет: «Везде жись. Под перьями жись, под фуфайкой

жись» [2, с.38]. В беловской концепции условие лада – сила нравственной традиции, находящая свое выражение в живых человеческих связях, гармонии человеческих отношений, связи человека и природы, в сменяющей друг друга череде поколений.

Устойчивыми же признаками *разлада* становятся смена жизненных укладов, ситуация разрушаемой «привычной» среды. Писатель через вещный мир маркирует ситуации нарушения гармонии. Так, вовремя затопленная печь – символ начинающегося нового дня, уюта, сытости, душевного тепла («Женки вон печи затопили, канителются у шестков – жись. И все добро, все ладно»). Не отходя от печи, бабка Евстоля, рассказывает детям сказку о пошехонцах. Начало сказки символично: «...все-то у тех мужиков неладно шло. А деревня-то завелась большая, а печи-то бабы топили все в разное времечко... Пока блины-то ходят, печка протопится, баба вдругорядь растоплять... Блины-то возьмут и заиснут. Так и маялись, сердешные». Нарушение привычного порядка жизни вносит хаос и разлад. Так с болезнью Катерины «колесом пошла вся жизнь. В доме сразу как нетоплено стало».

Мерно тикающие часы, легко поскрипывающий оцеп, шумящий у шестка самовар – повторяющиеся детали, отражающие равновесие домашнего мира, лада в семье. Однако мерный, спокойный ход часов в доме становится тревожным, подобно больному сердцу Катерины, которое дает сбой, нарушая привычное течение жизни.

Традиционный семейный уклад соприкасается с иным, непривычным для деревни образом жизни. Так, тракторист Мишка не спешит жениться («путаник, дак путаник и есть» [2, с.59]), приехавший из города Митька «весь измотался, работает по разным местам, да и бабы все переменные...» [2, с. 37], у бойкой бабенки Дашки Путанки было бы детей «два раза по семеро, кабы не аборт», «вся измоталась, как пустая мочалка», «трех мужиков извела, не прижился около ни один, все убежали [2, с. 41].

Как справедливо отмечает В. Н. Евсеев, «в беловском художественном пространстве трагическое (ситуация одиночества, нарушения родственных связей человека с миром) возникает на «выходе» человека из привычного круга, сферы жизни, когда в привычный «лад» вторгаются признаки «разлада». Степень стойкости личности в писательской концепции определяется ее способностью противостоять разладу» [4, с.12].

#### Литература

1. Белов В. И. Избранные произведения: в 3 т. – Т. 3. Лад: Очерки о народной эстетике. Пьесы. – Москва: Современник, 1984. – 478 с.
2. Белов В. И. Повести и рассказы. – Москва: Художественная литература, 1984. – 543 с.
3. Дворянова Н.В. Художественное постижение истории и современного состояния семьи в творчестве В.И. Белова 1960-1970-х годов: автореферат диссертации ... кандидата филологических наук: 10.01.01. – Москва, 2008. – 24 с.
4. Евсеев В. Н. Творчество Василия Белова как художественная система: автореферат диссертации ... кандидата филологических наук: 10.01.02, МГПИ. – Москва, 1989. – 16 с.
5. Митрополит Сурожский Антоний. Труды. – Москва: Практика, 2002.